

The background image is a high-quality digital artwork depicting a futuristic space station or orbital platform. The station is dark and angular, with several glowing blue lights along its edge and a thin antenna extending upwards. It is positioned on the right side of the frame, appearing to float in the void of space. In the center-left, the Earth is visible as a bright, partially illuminated sphere, showing cloud patterns. To the right of the Earth, a brilliant, glowing nebula or comet tail stretches diagonally across the upper right portion of the image. The overall color palette is dominated by deep blues, blacks, and whites, creating a cold, mysterious atmosphere. The text is overlaid on this scene: red at the top and yellow at the bottom.

Антон Шахматов

Архив 400

Антон Шахматов

Архив 400

<https://litres.ru/74350014>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четыре столетия Марк Корвин считался величайшим предателем человечества. Его имя использовали, чтобы собирать дань с покоренных миров, а его жертва стала фундаментом экономики Земной Федерации. Но когда старый мусорщик Илья Корсаков случайно вскрывает криокапсулу в остове разбитого линкора, легенда оживает.

Корвин жив. И он помнит правду: войну спровоцировала сама Земля, подставив тысячи жизней под удар Альянса ради политического капитала. Теперь этот призрак из прошлого несет вирус, способный обрушить биржи за сутки.

За ними охотится Магистр Каэль — безжалостный бухгалтер Трибунала, для которого стабильность системы важнее правды. Чтобы выжить, Илье придется позволить мертвецу переписать свою ДНК и выйти в прямой эфир Генассамблеи прямо во время распада собственного тела.

«Архив 400» — это жесткая космическая фантастика о цене свободы, где один выстрел может обанкротить империю, а самая страшная война идет не в вакууме, а внутри банковских алгоритмов.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Антон Шахматов

Архив 400

Глава

ГЛАВА 1

Сектор Гамма-9 вонял озоном и жженой изоляцией. Этот запах въедался в фильтры респираторов, просачивался сквозь уплотнения скафандров и намертво оседал на язычке металлическим привкусом — вкусом вакуума, который здесь никогда не был по-настоящему пустым.

Илья Корсаков вел каботажник «Ковчег-7» через кладбище кораблей вручную, отключив половину систем автоматической навигации. Аванти-9, бортовой ИИ, педантично зудел из динамиков мостика о нарушении протокола сближения с объектами нестабильной массы. — Отклонение от безопасной траектории составляет ноль целых сорок две сотых процента, — сообщил синтезированный голос. — Согласно пункту 4-Б контракта с корпорацией «Тайга-Ресайклинг», это классифицируется как халатность, ведущая к аннулированию страховки жизни. — Заткнись, жестянка, — лениво бросил Илья, плавно уводя штурвал вправо. Прямо по курсу из пылевого облака выплывал обглоданный остов эсминца класса «Фаланга». У корабля отсутствовала вся кормо-

вая часть вместе с двигателями — ровно по срез палубы С. Словно гигантский консервный нож вскрыл титановую тушу. — Если ты угробишь нас ради трех тонн медного кабеля, Батя скормит твой протез реакторным крысам, — пода-ла голос Зоя Вейл со своего места у радара. В свои двадцать восемь она всё еще верила в корпоративные уставы, хотя её идеализм уже начинал трещать по швам от местной реальности. — Умолкни, стажер, — прохрипел Григорий Ломов с ложемента капитана. Батя выглядел на все семьдесят: кожа пергаментная, натянутая на кости, легкие забиты лунной пылью десятилетней давности. На приборной панели перед ним тихо попискивал дозиметр. Фон внутри рубки превышал норму втрое, но Батя вырубил очистители воздуха еще час назад, экономя энергию для манипуляторов. Он хотел вернуться домой. Его дочь выходила замуж через два месяца на Церере, и ей нужен был настоящий сад, а не гидропонная коробка. Для этого требовалось около двух миллионов кредитов чистыми.

Они вели корабль сквозь битву, которая закончилась триста девяносто лет назад. Битва при Проксиме b стала концом Войны Конца Времен и началом новой эпохи — Эпохи Репараций. Земля победила, но осталась банкротом. Чтобы выжить, она превратила руины своих врагов и свои собственные в главный экономический ресурс галактики. Сектор Гамма-9 был их банком. Здесь гнили линкоры Земной Федерации, несущие на борту золото казначейства, платино-

вые контакты нейроинтерфейсов и редкоземельные металлы, которые корпорации-колонисты были обязаны выкупать по ценам четырехвековой давности. Экономика половины обжитого космоса держалась на том, что мертвые корабли должны оставаться мертвыми, а долг — бесконечным.

— Левый манипулятор закусывает на третьей фаланге, — доложил Илья, аккуратно подводя захват к торчащему из борта дредноута суставу сервисного робота. — Батя, дай больше тока на левый сервопривод. — Если дам больше, сгорит обмотка, — отозвался капитан, не открывая глаз. — Работай плавнее, Ильюша. Ты мусорщик или мясник? — Я человек, которому надоело дышать этой дрянью, — процедил Корсаков. Его нога — старая травма, полученная еще в уличных боях Нижнего Новгорода, — заныла тупой болью, реагируя на магнитные поля искореженного металла. Протез ниже колена давно просил замены, но качественные био-ноги стоили дорого, а дешевые пластиковые скрипели громче самого «Ковчега».

Зоя вдруг резко наклонилась к своим экранам. Пальцы забегали по сенсорной клавиатуре с такой скоростью, что сливались в одно пятно. — Ребята, — тихо сказала она. — У меня тут аномалия. По левому траверзу, пять тысяч километров. Оптические сенсоры ловят блик, но масса нулевая. Тепловая сигнатура... странная. Как будто там работает активный контур охлаждения. Но он холодный. Илья замер. В мертвом флоте ничего не должно было работать. Реакто-

ры заглушены веками, резервные батареи высосаны первыми мародерами. — Это «Титан», — пробормотал Батя, наконец разлепив глаза. — Линкор класса «Неуязвимый». Флагман Третьего флота. Говорят, адмирал застрелился прямо на мостике, когда понял, что его обошли. — Говорят, кур доятся, — огрызнулся Илья, но руки сами легли на штурвал. Активный контур охлаждения означал герметичность. А герметичность в секторе Гамма-9 означала содержимое. Целые консервы с провизией, нетронутые медицинские наборы, личные сейфы офицеров. Джекпот.

«Ковчег-7» подошел ближе. Обшивка «Титана» была покрыта оспинами микрометеоритов и черными пятнами лучевых ожогов. Зияющая дыра в районе ангаров зияла беззубым ртом. — Высадка тройкой, — распорядился Батя, тяжело поднимаясь. — Я снаружи на страховке. Корсаков ведет, Вейл прикрывает тыл. Десять минут на объекте. Берем только компактное и тяжелое. Никаких стенных панелей. — Поняла, — кивнула Зоя, защелкивая шлем. Илья молча проверил уровень кислорода. Сорок процентов. Хватит. Главное — не задерживаться рядом с реакторным отсеком. Главный двигатель «Титана» подтекал даже сейчас. Радиационный фон вблизи него зашкаливал, превращая любую электронику в бесполезный хлам за считанные минуты. Именно поэтому этот сектор корабля никто не разграбил. Дроны сгорали, а люди предпочитали не рисковать почками.

Внутри царила невесомость и вечные сумерки аварийно-

го освещения. Коридоры были загромождены трупами. Мумифицированные тела в черной форме Флота плавали среди разбросанных личных вещей. Илья двигался первым, цепляясь магнитными подошвами за переборки. Искалеченная нога мешала балансировать; каждый шаг отдавался вибрацией в тазобедренном суставе. Аванти-9 проецировал карту прохода прямо на внутреннюю поверхность его визора. — Уровень гамма-излучения растет, — бесстрастно уведомил ИИ. — Превышение безопасного порога в четыре раза. Рекомендую немедленное отступление. — Отвали, — выдохнул Илья. Он свернул в боковой коридор, ведущий к офицерским каютам. Здесь радиационный фон падал — свинец и броне плиты надежно экранировали жилые сектора. Дверь капитанской каюты была заблокирована изнутри механическим замком. Древняя технология, которую не брали электронные отмычки Зои. Пришлось резать автогенном. Запахло горелым пластиком и раскаленным металлом.

Когда створка рухнула внутрь, Илья посветил фонарем. Каюта сохранилась идеально. Картины на стенах, заправленная кровать, открытый бар. И посреди комнаты, закрепленный противоперегрузочными штангами, стоял цилиндр глубокой гибернации. Военный образец, слишком массивный для гражданского судна. Желтое предупреждение о высоком уровне энергопотребления мигало на боку. Илья подошел ближе, чувствуя, как волосы на руках встают дыбом от статики. Капсула работала. Она поддерживала жизнь внутри се-

бя почти четыреста лет, питаюсь крохами энергии от умирающего реактора линкора. На полированной стали виднелась гравировка, сделанная умелой рукой: *«Капитан-лейтенант Марк Корвин. Держать курс»*.

— Батя, — позвал Илья в коммуникатор. Голос сел. — Мы сорвали куш. Тут живой. Военный стазис высшего приоритета. В эфире повисло молчание, нарушаемое лишь тяжелым дыханием капитана. — Тащи, — наконец прохрипел Ломов. — Только осторожно. Если повредим капсулу, внутренние органы превратятся в кисель. И смотри, чтобы Аванти не засек жизненные показатели, пока не выйдем. Контракт «Тайги» покрывает металлолом, а не спасение утопающих. За контрабанду живого товара нам вышвырнут лицензии быстрее, чем мы успеем сказать «банкротство».

Илья закрепил лебедку. Цилиндр медленно поплыл к выходу, царапая дорогую обшивку каюты. Где-то глубоко в груди, под слоями цинизма и усталости, ворохнулось забытое чувство. Чувство открытия. Но Илья Корсаков быстро задавил его тяжелой пятой прагматизма. Это просто груз. Очень дорогой, очень проблемный, способный принести им пенсию на всю оставшуюся жизнь.

Он не знал, что этим движением он только что нажал на спусковой крючок пистолета, приставленного к виску галактической экономики.

ГЛАВА 2

Тяжесть вернулась рывком, вдавив ребра в легкие. Илья

зашипел сквозь стиснутые зубы, когда магнитные подошвы с влажным чавканьем оторвались от палубы «Титана» и коснулись рифленого пола собственного шлюза. Скафандр во-нял чужой смертью — озоном, сгоревшим пластиком и сладковатым привкусом старых гематом.

Капсула висела между ними в грузовом отсеке, удерживаемая гравизахватами. Она напоминала гильотину для спящих: матовый титан, заляпанный изнутри мутными разводами стазис-геля, и толстое бронестекло, за которым угадывался темный силуэт. — Двадцать три минуты до точки рандеву с буксиром «Тайги», — сухо доложил Аванти-9. — Рекомендую начать процедуру извлечения объекта немедленно. Каждая минута простоя стоит корпорации одиннадцать кредитов. Вычту из вашей доли. — Заткнись, — бросил Батя, тяжело опускаясь в ложемент. Его лицо под светом ламп приобрело нездоровый серый оттенок. Дозиметр на предплечье капитана тихо потрескивал, словно жарящаяся яичница. Радиация линкора уже начала свою работу, разъедая костный мозг. Батя знал это, но промолчал. Сад на Церере стоил пары лишних микрорентген.

Зоя закрепила диагностические присоски на грудной клетке цилиндра. Провода змеями поползли к её терминалу. — Военная модель серии «Саркофаг-Альфа», — пробормотала она, не отрывая взгляда от бегущих строк кода. — Резервное питание на нуле. Основная ячейка дышит на ладан. Если мы просто выдернем штекер, его сердце остановится

через сорок секунд от температурного шока. Нужно вводить антистатик внутривенно прямо через порт жизнеобеспечения. — Так вводи, — процедил Илья. Он отстегнул фиксаторы протеза и начал массировать культю. Искалеченная нога пульсировала болью в такт треску счетчика Гейгера. Каждый раз, когда он нервничал, старая травма напоминала о себе, заземляя любые порывы героизма жестокой физиологией. — Не учи ученую, Корсаков, — огрызнулась Зоя. Ее пальцы порхали над голографической клавиатурой. — Я сбрасываю давление. Приготовьтесь. Сейчас будет много слизи.

Раздался звук, похожий на рвущуюся ткань. По внутренней поверхности бронестекла пошли трещины, которые тут же затянул прозрачный медицинский гель. Жидкость хлынула наружу, заполняя отсек вязким желтоватым туманом. Система экстренной эвакуации сработала штатно, исторгая пассажира вместе с его искусственной плацентой. Тело внутри конвульсивно дернулось. Оно упало на амортизационный матрас с влажным шлепком. Мужчина. Голый, покрытый синеватыми пятнами криосиндрома, кожа туго обтягивала рельефный мышечный каркас. На левом плече чернела татуировка со стилизованным изображением Земли, пронзенной молнией — эмблема спецсвязи Флота.

— Пульс нитевидный, дыхание отсутствует, — быстро констатировала Зоя, накладывая маску реанимационного аппарата. — Вводим адреналин. Разряд! Тело выгнулось дугой. Запахло палеными волосами. Грудная клетка пилота

поднялась один раз. Второй. Третий. Затем он открыл глаза.

Они были абсолютно ясными. И они смотрели на Илью как на цель. В следующее мгновение Марк Корвин — если верить гравировке на капсуле — ударил. Он сделал это лежа, используя импульс поворота таза. Пятка врезалась точно в коленный сустав здоровой ноги Ильи. Хрустнуло что-то в самом протезе — сервоприводы взвизгнули и задымились. Корсаков рухнул на спину, захлебнувшись воздухом. Нога ниже колена превратилась в бесполезную грудку пластика и проводов.

Корвин уже был на ногах. Стасис-гель стекал с него грязными ручьями. Он двигался так, словно само время было для него слишком медленным веществом. Идеальная биомеханика хищника, не знающего усталости четырех столетий сна. Первый грузчик, здоровяк по имени Рикс, попытался схватить офицера сзади за шею. Корвин даже не обернулся. Локоть с хрустом вошел Риксу под дых, а ладонь жестко рубанула по кадыку. Грузчик осел на пол, сипя разорванной гортанью. Второй успел достать шоковую дубинку. Волна электричества ударила Корвина в грудь. Офицер лишь моргнул. Для человека эпохи Войны Конца Времен гражданские тазеры были чем-то вроде щекотки. Он шагнул вперед, перехватил запястье парня, используя инерцию разряда, и впечатал его лицом в переборку. Звук ломающегося носа прозвучал как выстрел.

Батя вскинул игольник, снятый с предохранителя. — Сто-

ять! Замри, падаль, или я нашпиговую тебя транквилизатором размером с мою печень! Корвин замер. Но не потому, что испугался оружия. Он медленно повернул голову к капитану. Взгляд его прояснился окончательно, фокусируясь на лице Ломова. В глазах офицера связи «Эгиды» не было страха. Там была холодная, уставшая оценка угрозы. — Альянс... — голос Корвина был похож на скрежет наждачной бумаги по металлу. Он откашлялся, выплюнув сгусток желчи. — Где абордажная группа? Почему десантные боты еще не стыкуются? — Какой, к дьяволу, Альянс? — прохрипел Илья, пытаясь отползти назад и нашаривая на поясе свой рабочий инструмент. Массивный электромагнитный разрядник для тушения искрящих кабелей. — Очнись, военный. Ты проспал четыре века. Мы мусорщики. Мусор-ки.

Последнее слово Корвин проигнорировал. Слово «мусорщик» не значилось в тактических протоколах выживания времен войны. А вот человек с оружием, преграждающий путь к мостику — значился. Он бросился на Батю. Капитан, несмотря на возраст и радиацию, среагировал профессионально — ушел с линии атаки перекатом. Но игольник требовал времени на перезарядку массивного пневмопатрона. У Бати этого времени не было.

Илья нажал кнопку. Разрядник плюнул синей молнией. Вольтаж промышленной частоты ударил Корвина промеж лопаток. Мышцы офицера свело спазмом такой силы, что затрещал собственный позвоночник. Глаза закатились, обна-

жив желтоватые белки. Он рухнул на колени, а затем лицом вниз, подмяв под себя тело мертвого грузчика. От тела пошел легкий дымок горелой кожи.

В наступившей тишине слышалось только тяжелое дыхание выживших да мерное попискивание дозиметра. — Вырубил его наглухо, Корсаков, — просипел Батя, поднимаясь. Рукав его комбинезона тлел. — Пока он не решил, что ты следующая угроза национальной безопасности. — Он уже решил, — Илья перевел разрядник в режим непрерывной дуги и прижал электроды к шее неподвижного Марка. Зеленые цифры на визоре скафандра показывали критический уровень кислорода. — Аванти! Открывай шлюз! Нам нужно в медблок, пока этот герой холодной войны не очнулся и не закончил то, что начали предки.

ГЛАВА 3

Медблок «Ковчега-7» пах озоном, дешевым дезинфектором и застарелым потом Бати. Капитан лежал в противоперегрузочном кресле, подключенный к капельнице с радиопротекторами. Его землистое лицо блестело от испарины, но глаза смотрели остро — стимуляторы держали изношенное сердце на пределе возможностей.

Марк Корвин был зафиксирован на операционном столе титановыми захватами. Сейчас он выглядел куда менее грозно: бледный, обритый наголо для удобства медицинских сканеров, с сеткой синеватых капилляров на висках. Но даже сейчас, находясь под воздействием мощных седатиков,

его мышцы бугрились при каждой попытке рефлекторного вдоха. — Пульс шестьдесят два, давление стабильное, — доложила Зоя, не отрываясь от монитора жизненных показателей. Ее пальцы летали над консолью. — Нейростимуляция прошла штатно. Ожоги от вашего разрядника, Корсаков, второй степени. Я залила их биогелем, шрамов почти не останется. — Передай гелю мою благодарность, когда очнется, — Илья осторожно ощупал дымящийся разъем на своем протезе. Сервомотор тихо выл, пытаясь компенсировать повреждение коленного шарнира. — Аванти, статус груза? — Объект классифицирован как «Корвин Марк, капитан-лейтенант», — немедленно отозвался ИИ из потолочных динамиков. Голос машины сочился цифровым презрением. — Однако протокол передачи данных буксиру корпорации «Тайга-Ресайклинг» заблокирован. Причина: несоответствие цепочки ДНК. В предоставленном контракте указан другой донор биоматериала. Попытка фальсификации документов класса «Омега». Согласно пункту 14-Бет нашего найма, я обязан уведомить службу безопасности заказчика о краже имущества. Батя выругался сквозь зубы. Стимулятор сделал его голос сухим, как наждачная бумага. — Какая еще фальсификация? Это тот самый мужик из капсулы! Ты что, железяка, окосел от старости? — Мои оптические сенсоры откалиброваны до микрона, Ломов, — парировал Аванти. — ДНК субъекта совпадает с базой данных Земной Федерации образца две тысячи сто восьмого года. Но она не совпа-

дает с генетическим профилем владельца контракта номер 40-GX. Вы пытаетесь сдать государству одного человека по документам другого. Это называется «подлог личности при передаче трофеев». Мы только что превратились из честных мусорщиков в межпланетных преступников.

Зоя резко побледнела. Она отстранилась от мониторов, глядя на свои руки так, словно они были в крови. — Батя... — прошептала она. — Если Аванти прав, нас выпотрошат. Трибунал Репараций аннулирует наши лицензии, заморозит счета, а нас самих пустит на запчасти, чтобы покрыть неустойку. Нужно стирать логи ИИ. Прямо сейчас. — Чем ты будешь управлять кораблем, стажер? Таблетками от кашля твоего капитана? — огрызнулся Илья. Он подошел ближе к столу, разглядывая спящего гиганта. От Корвина пахло стерильностью и чем-то первобытным, звериным — запахом существа, которое слишком долго выживало. — Ладно. Грузим его в криокапсулу «Ковчега». Скажем «Тайге», что офицер сдох от лучевой болезни прямо у нас на руках во время транспортировки. Трупы ДНК не проверяют так тщательно.

Именно в этот момент веки Марка дрогнули. Он открыл глаза. Они больше не были мутными от препаратов. Темные, глубоко посаженные, они мгновенно оценили обстановку: тусклый свет медблока, решетки вентиляции, количество противников, состояние замков на двери. Взгляд профессионала, проводящий инвентаризацию поля боя. Седативы должны были держать его без сознания еще минимум

час. Четыреста лет назад военная фармакология умела создавать людей, которых трудно было удержать препаратами для гражданских.

Корвин рванулся. Захваты протестующе взвыли, металл застонал от напряжения бицепсов. Правая рука вырвалась из фиксатора с треском лопнувших сухожилий пациента — или разорванного металла стола. Илья не успел понять, что произошло. Офицер связи метнулся вперед со скоростью атакующей змеи. Его ладонь сомкнулась на горле Зои раньше, чем хакер успела вскрикнуть. Вторая рука ударила ребром ладони по кадыку ближайшего грузчика — наемника, который просто стоял у стены. Хруст хрящей потонул в писке кардиомонитора.

— Альянс! — прохрипел Корвин, впечатывая Зою спиной в переборку так, что затрещали ее ключицы. — Где abordажная группа? Почему мостик не зачищен? Кто разрешил разгерметизацию флагмана? — Свои! — просипел Илья, бросаюсь к нему сзади. Он забыл про ногу. Протез зацепился за кабель капельницы, потеряв равновесие. Илья рухнул на колени, перекатываясь вбок. Корвин выпустил Зою, перехватил руку Ильи, пытавшуюся достать шокер из набедренной кобуры, и вывернул сустав. Боль прострелила плечо электрическим разрядом.

Мир для Корсакова сузился до красной пелены. Он действовал на инстинктах мусорщика — грязно, неэффективно, используя среду. Свободной рукой он схватил со стойки

тяжелый флакон с жидким азотом для хранения образцов и разбил его о висок Корвина. Осколки полированного пластика вонзились в кожу. Жидкий азот с шипением выплеснулся на лицо офицера. Кожа мгновенно пошла белыми пятнами обморожения. Корвин взвыл — низкий, животный звук — и мотнул головой. Но хватку не ослабил. Тогда Илья ткнул электродом промышленного разрядника прямо в открытую рану на плече Корвина, где кожа была содрана захватами. Вольтаж промышленной частоты прошел сквозь мясо, кости и нервные узлы. Тело Марка выгнулось дугой, сведенное судорогой. Глаза закатились. Он обмяк, повиснув на ремнях, и медленно сполз обратно на стол, оставляя на металле полосы замерзшей крови.

В наступившей тишине слышалось только хриплое дыхание Зои да натужный гул двигателей. — Направленных нейрорепрограммирующих у меня нет, — выдохнула девушка, массируя горло. На шее уже проступили багровые кровоподтеки идеальной формы пальцев. — Только общий наркоз. Если введу еще дозу, он не проснется до самой Земли. А нам туда нельзя. — Нам теперь никуда нельзя, — Батя тяжело сел в кресле, сжимая кулаки. Иглы капельницы дрожали в сгибах его локтей. — Аванти передал сигнал тревоги. Буксир «Тайги» изменил курс. Он идет сюда под форсажем. Через сорок минут нас возьмут на abordаж службы безопасности. — Продай его, — неожиданно четко сказал Илья, поднимаясь с пола и морщась от боли в ноге и плече. Адреналин отступал, оставляя

место тяжелой ломоте. — Найди черных скупщиков. Военная элита в такой кондиции стоит целое состояние. Заберем деньги, сменим имена на Титане или Европе. Купишь свой сад, Батя. Капитан посмотрел на Илью долгим взглядом, затем перевел глаза на бледное, исполосованное лицо Корвина. — Черные торговцы сдадут нас Каэлю быстрее, чем мы успеем пересчитать кредиты, — наконец произнес Ломов. — Этот человек — не товар. Он призрак. А призраки стоят дороже золота только тогда, когда мертвы. Или когда говорят публично. Уходим в слепую зону. Готовь корабль к прыжку, Зоя. Курс на пояс Койпера. Навигация ручная. Аванти, если выдашь наше местоположение хотя бы одному спутнику слежения, я лично скормлю твой процессор реактору. — Угроза физического уничтожения ядра противоречит третьему закону робототехники, Григорий, — педантично ответил ИИ. — Однако запись о вашей скорой мучительной смерти внесена в мой журнал приоритетов. Приятного полета.

Илья доковылял до своего ложемент. Искалеченная нога пульсировала огнем. Он смотрел на обзорный экран, где кладбище кораблей сектора Гамма-9 начало медленно отдаляться. Пенсия в аграрном секторе казалась теперь несбыточной детской сказкой. Впереди был только холодный вакуум, радиационные пояса и охота, в которой они выступали одновременно и хищниками, и добычей.

ГЛАВА 4

Медблок «Ковчега-7» больше не казался местом спасе-

ния. Теперь это была просто еще одна камера, только с лучшим освещением и запахом антисептика. Марк Корвин сидел на краю койки, завернутый в стерильный бежевый халат, который выглядел на нем насмешкой. Его коротко остриженные волосы уже начали отрастать, открывая сеть старых шрамов на затылке — карту давно забытых боев.

Илья стоял у переборки, опираясь на стену так, чтобы вес не приходился на ноющий протез. Батя лежал под капельницей, его дыхание было хриплым и влажным. Радиация Гамма-9 делала свое дело быстрее, чем они ожидали. Зоя сидела за терминалом, ее плечи были напряжены, а пальцы замерли над голографической клавиатурой.

— Две тысячи четыреста девятый год, — ровным голосом произнес Корвин. Это был не вопрос. Он смотрел прямо перед собой, туда, где в переборку был встроен тусклый светильник. — По моим внутренним часам битва при Проксиме кончилась вчера. Мы потеряли маршевые двигатели, но щиты держались. Альянс должен был отступить к поясу астероидов для перегруппировки. Где флот Метрополии? Почему мы дрейфуем без хода? — Флот Метрополии сейчас гниет там же, где и твой крейсер, — Илья кивнул в сторону обзорного экрана, на котором плыла россыпь звезд. — Четыреста лет прошло, военный. Вы проиграли. Земля победила, содрала со всех колоний шкуры и построила на этом новую Империю. Добро пожаловать в будущее, оно дерьмовое.

Корвин медленно повернул голову. В его темных глазах не

было паники безумца. Там была тяжелая, звенящая пустота человека, чьи расчеты реальности столкнулись с невыполнимой ошибкой. — Землю взяли? — спросил он тихо. Голос сел от долгого молчания стазиса. — Сколько дивизий высадилось на Евразийском континенте? Каковы условия капитуляции? — Никто никого не брал, — вмешалась Зоя. Она сглотнула и развернула кресло к нему. На мониторе терминала мерцала строка поиска. — Война закончилась Версальским протоколом. Репарации. Бесконечные выплаты ресурсов Земле. Экономика половины галактики держится на том, что вы... то есть та война... никогда не должны закончиться юридически.

Она набрала на консоли личный номер жетона, извлеченного из одежды Марка. Тонкие бледные буквы побежали по экрану: *«Поиск: Капитан-лейтенант Марк Корвин. Идентификатор Флота: 77-Альфа-Омега»*. Система задумалась на полторы секунды — вечность для нейросети. Затем выплеснула сухой текст на красном фоне системной ошибки:

ЛИЧНОСТЬ НЕ УСТАНОВЛЕНА. ОБЪЕКТ ЧИСЛИТСЯ УНИЧТОЖЕННЫМ.* *Дата аннулирования реестра: 2064 (стандартное земное время). Причина: Полная потеря связи с крейсером РЭФ «Эгида». Согласно директиве Генштаба 404-Б («Очистка эфира»), экипаж признан погибшим во избежание утечки протоколов сверхсветовой навигации. Доступ к архивным данным заблокирован Трибуналом Репараций. Уровень допуска: Омега.*

Батя издал булькающий звук, похожий на смешок, и тут же закашлялся, прижимая ладонь ко рту. На тыльной стороне перчатки остались красные пятна. — Тебя нет, сынок, — просипел капитан. — Для этого мира ты призрак. Удобный мертвец. Если бы ты остался на буксире «Тайги», тебя бы разобрали на органы или продали корпорациям как консервированное пушечное мясо. Но теперь ты здесь. А значит, кто-то очень высоко скоро начнет рвать на себе волосы.

Корвин встал. Халат распахнулся, обнажая жилистое тело, покрытое синяками от захватов и ожогами разрядника. Он сделал шаг к терминалу Зои. Девушка инстинктивно отшатнулась, врезавшись спиной в медицинский шкафчик. Он навис над ней — живая скала, источающая запах озона и чужого времени. Его палец уперся в строку статуса. — «Протоколы сверхсветовой навигации», — прочитал он. Слова звучали как ругательство. — Значит, вот почему меня похоронили заживо. Не потому, что я предатель. А потому что я знаю, как работает их новая игрушка. — О чем ты? — Илья выпрямился, забыв про боль в ноге. Внутри начало разливаться холодное понимание.

Корвин обернулся. Маска дезориентации сползла с его лица, уступая место хищной, острой ясности. Так просыпается зверь, учуявший кровь. — Варп-привод, Корсаков. Тот самый, ради которого Адмиралтейство списало весь Третий флот в расходную ведомость. Нас отправили первыми. Разведка боем через нестабильный коридор. Нам запретили от-

крывать огонь, даже если нас будут резать на куски абордажной пилой. Мы должны были просто *пройти*, доказать теорию. Когда корабли Альянса вышли из тени газового гиганта и взяли нас в клещи, когда они начали вскрывать обшивку «Эгиды» своими резаками... мой командир приказал держать строй. Я нарушил приказ. Я отдал команду открыть огонь главным калибром. Я сжег три их эсминца вместе с нашими собственными отсеками, чтобы вырваться.

Он ударил кулаком по стальной переборке рядом с головой Зои. Металл прогнулся с глухим звоном. — Они записали меня в изменники, чтобы скрыть правду: первый полет стоил крови. Чтобы корпорации могли продавать билеты на эти маршруты гражданским толстосумам. Меня сделали чудовищем, убившим своих людей. И все это время... все эти четыреста лет... я знал, что выигрываю им время. Что пока мое имя мажут грязью, Земля строит свой золотой век на костях моего экипажа.

В рубке повисла тишина, густая и липкая. Слышно было только, как монотонно гудят фильтры очистки воздуха да попискивает кардиограф Бати. — Ты национальный герой, Марк, — голос Ильи прозвучал хрипло. — Самый дорогой лежец в истории. — Нет, — Корвин качнул головой. — Герой получает памятник. Мертвецы не платят репарации. Изменник платит вечно. Моя вина тянет экономику Земли вперед. Если этот долг исчезнет... если выяснится, что войну спровоцировал Земной Генштаб моей рукой... Зоя подняла на

него глаза. Ее идеализм трещал по швам, осыпаясь пеплом. — Контракты, — прошептала она. — Договоры о репарациях завязаны на статус виновника. Если официальный флагман Федерации нанес первый удар без провокации... Все соглашения признаются кабальными. Основанными на государственной лжи. Биржи рухнут за сутки. Кредитный рейтинг Земли станет нулевым. Банки колоний начнут автоматическое изъятие активов. Галактика сгорит. — Именно, стажер, — прохрипел Батя со своего ложементы, вытирая рот. — Поэтому живой Корвин стоит дороже любого груза титана. За ним придут не коллекторы. За ним придет конец света.

Аванти-9 подал голос из динамика сухим, лишенным эмоций тоном, прорезая тяжелую атмосферу: — Пока вы занимаетесь исторической реконструкцией, радары фиксируют работу активного сонара в радиусе миллиона километров. Сигнатуры зашифрованы военным алгоритмом класса «Инкогнито». Кто-то использует пассивные спутники мусорщиков как ретрансляторы. Они знают, что мы ушли из сектора Гамма-9. Они знают наше примерное направление. Рекомендую начать молиться несуществующим богам, так как мои логи чисты лишь частично, а ваша удача имеет отрицательный баланс.

Илья посмотрел на свои руки — руки техника, привыкшие иметь дело с мертвым металлом. Затем перевел взгляд на Корвина. Живой детонатор, упакованный в плоть и старую военную форму. Пенсия в аграрном секторе окончательно

но превратилась в плохой анекдот. Теперь цена их жизни измерялась не в кредитах. Она измерялась в стабильности всей человеческой цивилизации. — Курс? — спросил Илья, тяжело опускаясь в пилотское кресло и подтягивая к себе штурвал. Искалеченная нога жалобно скрипнула сервоприводом. — Пояс Койпера, — ответил Корвин. Он уже надел скафандр Бати, проверяя герметичность швов. Движения были точными, экономичными. — Настоящая могила «Эгиды». Мне нужен мой черный ящик. Мне нужны записи моих переговоров с мостиком перед прыжком. Без них я — просто сумасшедший старик с ржавым жетоном. А вы — шайка похитителей трупов. — Там фонит так, что мозги сварятся вкрутую за минуту, — предупредил Илья. — Значит, пойду я один, — отрезал Марк, защелкивая шлем. — Отдыхайте, мусорщики. Скоро у вас будет много работы.

ГЛАВА 5

Пояс Койпера встречал их ледяным молчанием. «Ковчег-7» шел на минимальной тяге, экономя каждый грамм ксенона. В жилых отсеках стояла температура в двенадцать градусов — Батя приказал урезать отопление до критического минимума, чтобы выжать из реактора дополнительные проценты мощности для щитов. Радиационный фон здесь был густым, как туман над осенней рекой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.